

© 2023 г. А.А. ЩЕЛЧКОВ

«СЕНДЕРО ЛУМИНОСО» В ПЕРУ: ТЕРРОР И ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Щелчков Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

Аннотация. Советско-китайский раскол в международном коммунистическом движении в 60-е годы XX в. привел к появлению практически во всех странах маоистских коммунистических партий, большинство которых вышло из состава традиционных компартий. В ряде мест маоизм получил бóльшую поддержку, чем промосковские партии, в частности в Перу, где маоистское движение продемонстрировало массовость и политическую силу. Внутри этого движения сформировалось радикальное, догматическое крыло, абсолютизовавшее насилие как единственный метод политической борьбы. Компартия Перу «Сендеро Луминосо» (Сияющий путь) ввергла страну в десятилетнюю гражданскую войну с многотысячными жертвами. Статья посвящена анализу идеологии и политической практики данного движения, представлявшего проект воинствующего тоталитарного эгалитаризма и левой террористической диктатуры. «Сендеро Луминосо» представляет собой экстремальный политический проект, объяснение которого требуют не только политического и социального, но и психологического подхода. Партия «Сендеро Луминосо» выросла из кружка изучения идей Х.К. Мариатеги в 1960-е годы в мощное подпольное повстанческое движение в 1970–1980-е годы, сумевшее порой с успехом противостоять перуанскому государству со всем его аппаратом насилия, армией и полицией. В основу тактики движения была положена концепция «длительной народной войны» и окружения города деревней, а на практике — всеобъемлющее насилие, объявленное главной творческой силой революции. Маоистская идея «служения народу» и самопожертвования революционеров смогла захватить значительные группы молодежи, прежде всего студентов, самоотверженно отдававших себя делу сендеристской революции. Сверхконспиративность и отказ от массовости движения сделали на долгие годы неуязвимым руководство партии во главе с Абимаэлем Гусманом. Развязанная сендеристами гражданская война поставила на грань коллапса перуанское государство, став отправной точкой политических и экономических реформ нелиберального типа, получивших значительную общественную поддержку, объяснимую только шоком от предлагаемого сендеристами левого проекта.

Ключевые слова: маоизм, Перу, террор, «Сендеро Луминосо», Абимаэль Гусман, левый экстремизм, гражданская война, коммунистическое движение, Х.К. Мариатеги.

A.A. Schelchkov

Sendero Luminoso in Peru: Terror is Revolution

Andrey Schelchkov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

The article was written with the support of the Russian Science Foundation, project № 19-18-00305 “Comintern in Latin America: historical traditions and political processes”.

Abstract. The Soviet-Chinese rift in the international communist movement in the 1960s led to the emergence of Maoist communist parties in almost every country in the world, most of which broke away from local communist parties. In a number of places Maoism gained more support than Moscow-backed parties, notably in Peru, where the Maoist movement demonstrated mass appeal and political strength. Within this movement a radical, dogmatic wing emerged which absolutised violence as the only method of political struggle. It was the Peruvian Communist Party Sendero Luminoso (“The Shining Path”) which plunged the country into a decade-long civil war with thousands of victims. In this article the author analyses the ideology and political praxis of the movement, which was a project of militant totalitarianism and a left-radical terrorist dictatorship. Sendero Luminoso is an extreme political project, the explanation of which requires not only a political and social but also a psychological approach. The Sendero Luminoso Party grew from a coterie exploring the ideas of José Carlos Mariátegui in the 1960s into a powerful underground insurgent movement in the 1970s and 1980s, which sometimes managed to successfully resist the Peruvian government with all its apparatus of violence, the army and the police. The tactics of the movement were based on the concept of a “protracted people’s war” and the encirclement of the city by the countryside, and in practice on all-out violence, declared to be the main creative force of the revolution. The Maoist idea of “service to the people” and the self-sacrifice of revolutionaries was able to capture significant groups of young people, especially students, who devoted themselves wholeheartedly to the cause of the Senderist revolution. Excessive secrecy and rejection of the mass character of the movement made the leadership of the party, led by Abimael Guzmán, invulnerable for many years. The civil war unleashed by the Senderists did indeed bring Peru to the brink of collapse, becoming the starting point of neoliberal political and economic reforms that gained significant public support, explained only by the shock from the left-wing project proposed by the Senderists.

Keywords: Maoism, Peru, terror, Sendero Luminoso, Abimael Guzmán, left-wing extremism, civil war, communist movement, José Carlos Mariátegui.

В отечественной историографии нет специальных работ о гражданской войне в Перу в 80-е годы XX в. и о движении «Сендеро Луминосо» (Сияющий путь), за исключением очерков об этом в рамках общих работ по общественно-политическим движениям и партиям в Латинской Америке¹. Драматические события в Перу приходились на сложные для нашей науки годы: вторая половина 1980-х–1990-е. Естественным для того времени был ограниченный доступ к информации, часть которой даже в Перу тогда не была достоянием общественности. Это в значительной степени объясняет, почему движение «Сендеро Луминосо» (СЛ) тогда рассматривалось исключительно как террористическая организация, игнорировались политические и идейные характеристики этого явления. Только после создания «Национальной комиссии правды и примирения» были опубликованы многие документы, свидетельства, позволившие исследовать особенности этой кровавой гражданской войны.

Истоки создания компартии «Сендеро Луминосо» восходят к советско-китайскому конфликту начала 1960-х годов. В Перу, в отличие от других стран Латинской Америки, в коммунистическом движении преобладание получили маоисты. Внутри старой компартии² сложились две крупные фракции, борьба которых привела к ее расколу. Группы стали называться по своим газетам: маоисты – «КПП-Красное знамя», а промосковская

¹ Ивановский З.В. Ультралевые партии и организации Латинской Америки: изменения в идеологии и политике // Латинская Америка 80-х годов. Партийно-политическая структура стран региона / отв. ред. З.В. Ивановский. М., 1989. С. 51–54; *Его же*. Ультралевый терроризм в Перу // Латинская Америка: политические партии и социальные движения / отв. ред. Ю.И. Визгунова, Б.М. Мерин, З.В. Ивановский, А.Ф. Шульговский. Т. 2. М., 1994. С. 52–68.

² Промосковская партия называлась Перуанская коммунистическая партия (ПКП), а отколовшиеся маоисты – Коммунистической партией Перу (КПП). Последние много раз переживали расколы и меняли названия.

фракция — «ПКП-Единство»³. Побывавший в 1964 г. в Перу итальянский коммунист Ренато Сандри писал в отчете в Москву о положении в коммунистическом движении Перу в связи с прокитайским расколом в партии: «Сначала аргументами их агитации были два: морализация партии, требование, чтобы источники ее финансирования были бы сообщены публично, находились под контролем ЦК, обвинение некоторых руководителей в растрате. Во-вторых, необходимость не занимать позиции в полемике Москва — Пекин, а проводить перуанскую политику»⁴.

В ноябре 1963 г. лидеры прокитайской фракции в партии Хосе Сотомайор и Мануэль Соррия отправились в Пекин, где попросили совета: оставаться в рядах старой партии или создать новую. В Пекине они встречались почти со всеми высшими руководителями Коммунистической партии Китая (КПК), а их вопросы обсуждались на совещании постоянных членов политбюро КПК. Китайцы рекомендовали создавать свою компартию, но через получение контроля над старой партией при исключении всех промосковских руководителей как ревизионистов. Делегатов принял Мао Цзэдун, который заявил: вы хотите начать народную войну, так это не сложно — надо просто решиться⁵.

В конце 1963 г. в Политкомиссии партии четверо из восьми членов высказались за пропекинский курс, а молодежная организация почти в полном составе была за маоистами. Оппозиция курсу традиционных левых, прежде всего в Перуанской компартии, зародилась в молодежной организации партии. В городе Айякучо ему было суждено стать ареной самых драматических событий гражданской войны, в начале 1960-х в молодежной коммунистической организации появилось левое оппозиционное крыло, в которое входил Абимаэль Гусман, булущий лидер «Сендеро Луминосо»⁶.

В конце 1965 г. «КПП-Красное знамя» официально признала себя маоистской партией, приняв все маоистские догмы, как то: Перу не просто зависимая, а полуколониальная страна; главной силой революции будет крестьянство; «народная война» и «окружение города деревней»; главная форма революционной организации — народная армия. Прокитайскую партию поддержали также кубинцы, от которых она получала материальную помощь⁷.

В 1966 г. произошел первый раскол внутри маоистски ориентированной партии. Группа во главе с Сотомайором образовала Компартию (марксистско-ленинскую), которая отошла от маоизма, став своего рода заповедником сталинизма. В 1967 г. разногласия внутри партии маоистов привели к выходу из «КПП-Красное знамя» группы, образовавшей «КПП-Красная родина»⁸. Следующий раскол внутри маоистов имел самые серьезные последствия для страны — речь идет о движении «Сендеро Луминосо». В Университете Уаманги⁹ из маоистской «КПП-Красное знамя» выделилась группа «Красная фракция», заявившая о приверженности наследию создателя компартии Перу Х.К. Мариатеги¹⁰. Эта группа ставила задачу непосредственной подготовки революции. На ее основе в 1970 г. была создана Коммунистическая партия Перу «Сендеро Луминосо» (КПП-СЛ). Новая партия заявляла, что следует

³ *Canama A.* Марксизм в Перу, 1930–1990 // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2020. № 26. С. 235.

⁴ Поездка Сандри в Уругвай, Аргентину, Чили, Перу, Мексику 1964 г. // *Российский государственный архив новейшей истории* (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 50. Д. 598. Л. 63.

⁵ *Sotomayor Pérez J.* ¿Leninismo o maoísmo? Lima, 2009. P. 23–28.

⁶ *Guzmán A., Yparaguairre E.* Memorias desde Némesis. [S.l.], 2014. P. 42.

⁷ Международный отдел в ЦК КПСС от 15 июля 1964 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 600. Л. 133.

⁸ Партия «КПП-Красное знамя» не пережила бурных 1980-х годов в отличие от «КПП-Красной родины», которая по сей день активно действует. Например, главный профсоюз учителей страны находится под контролем этой партии. См.: *Doraís G.* La crítica maoísta peruana frente a la reforma agraria de Velasco (1969–1980) // IEP documento de Trabajo, 167. Documento de Política, 8. Lima, 2012. P. 12.

⁹ Университет Сан Кристоаль, или Университет Уаманги, находится в г. Айякучо, столице одноименного департамента, в центре провинции Уаманга.

«сияющему пути Мариатеги», и стандартно обвиняла других маоистов в «ревизионизме»¹¹. Однако в «КПП-Красное знамя» осталось большинство членов партии, в том числе и в крестьянских организациях, что было важно для маоистов, видевших в крестьянстве силу и оружие революции. «Красная фракция» во главе с Гусманом доминировала в Айякучо. Весь этот процесс размежевания Гусман называл «восстановлением компартии», созданной Мариатеги, завершившийся созданием «Сендеро Луминосо»¹².

Особое место в истории создания партии занимает Университет Уаманги, основанный в 1959 г. В новый университет приехали преподаватели, многие из которых придерживались левых убеждений. Одним из них был профессор философии Абимаэль Гусман.

Лидер сендеристов А. Гусман (председатель Гонсало) был членом компартии с 1958 г. В 1965 г. он побывал в КНР, где изучал маоистскую доктрину и даже прошел военные курсы в Нанкине. В 1967 г. как представитель маоистской КПП отправился на съезд Албанской партии труда, где Энвер Ходжа говорил о необходимости воссоздания «антиревизионистского» Коммунистического интернационала. В тот же год Гусман снова съездил в Китай, который переживал драматические дни «культурной революции», чтобы по заданию партии договориться с китайцами о возобновлении финансовой поддержки, которую КПК вдруг прекратила. Однако уже в Китае Гусману передали мнение Мао, что такая поддержка — проявление ревизионизма, и партия, чтобы что-то значить, должна уметь существовать самостоятельно.

По возвращении в Перу в 1967 г. Гусман на базе Университета Уаманги развернул агитационную деятельность, сумев привлечь на свою сторону не только студентов, но и большинство преподавателей. В 1973 г. он переселился в Лиму, ставшую командным пунктом партии, но центр идеологической активности оставался в Айякучо. В среде перуанских маоистских и в целом левых партий партия Гусмана в 1970-е годы считалась «бедным родственником из провинции», а имя Мариатеги использовалось ею для позиционирования себя как единственно легитимной партии, наследницы исторической КПП¹³.

В это время в стране резко увеличилось число учащихся в системе высшего образования, когда студентами становились не только выходцы из привилегированных классов, но и из народных низов, в том числе и крестьяне, всегда рассматривавшие университетское образование как предпосылку к социальному восхождению и мобильности. Если в год открытия университета там обучалось всего 228 студентов, то в 1968 г. уже 1500, а в 1971 г. — 3319, в 1980-е — 6 тыс.¹⁴ Студенты «нового типа» оказались легкой добычей маоистской пропаганды. Именно студенты и преподаватели Университета Уаманги, а также школьные учителя, имевшие отношение к этому университету, составили основу КПП-СЛ. Как показало исследование Д. Чавеса де Паса, среди арестованных за терроризм (за принадлежность к СЛ) в конце 1980-х годов большинство были выходцами из провинциальной обедневшей и терявшей статус элиты. Из них 35,5% были с университетским образованием¹⁵. Университет стал «кузницей» и главным источником кадров СЛ.

В 1970–1972 гг. в Айякучо сендеристы создали «Центр интеллектуальных работ Мариатеги», объединивший студентов и преподавателей Университета Уаманги. Они почти подпольно

¹⁰ *Xosé Carlos Mariátegui* (1894–1930) — выдающийся перуанский мыслитель, основоположник так называемого «латиноамериканского марксизма», основатель Социалистической партии, преобразованной после его смерти в Коммунистическую партию Перу. В своих работах отводил большую роль в революции крестьянству, что совпадало с идеями Мао об «окружении города деревней», считал возможным быстрый переход к социализму с опорой на общинные традиции индейского крестьянства, за что его критиковали в Коминтерне за «народнический уклон».

¹¹ *Jiménez B.* Inicio, desarrollo y ocaso del terrorismo en el Perú: el ABC de Sendero Luminoso y el MRTA ampliado y comentado. T. 1. Lima, 2000. P. 49–50.

¹² *Guzmán A., Yparaguire E.* Op. cit. P. 160.

¹³ *Asencios D.* La ciudad acorralada. Jóvenes de Sendero Luminoso en la Lima de los años 80 y 90. Lima, 2016. P. 40.

¹⁴ Comisión de verdad y reconciliación. Informe final. T. I–II. Lima, 2003. T. I. P. 75.

¹⁵ *Chávez D.* Juventud y terrorismo. Características sociales de los condenados por terrorismo y otros delitos. Lima, 1989. P. 10, 35.

собирались и изучали труды Мариатеги и классиков марксизма. Число участников постепенно росло. Происходила глубокая индоктринация студентов под руководством Гусмана в духе маоизма. Мариатеги занимал второе после Мао место в идейном багаже сендеристов. Гусман в интервью в 1988 г. заявил, что если бы Мариатеги был жив, то наверняка был бы маоистом¹⁶. В 1968 г. Гусман прочитал в Университете Уаманги лекцию «Понять Мариатеги», в которой изложил многие пункты своего мировоззрения. Он представил Мариатеги непререкаемым, ортодоксальным марксистом, а себя — единственным продолжателем его дела. Повторяя идеи Мао, Гусман убеждал студентов: «Если вы хотите стать революционерами, то должны слиться с массами, работать с ними, чувствовать и думать, как они. В этом процессе я должен снять галстук, спуститься со своего социального статуса к массам, стать как они, и только тогда, в святой час, я стану революционным интеллектуалом. Это касается всех нас»¹⁷.

Гусман заявлял о полной схожести идей Мао и Мариатеги, точнее о его собственном вкладе в развитие идей Мариатеги в сторону маоизма. Надо признать, что именно взгляд Мариатеги на перуанскую действительность и его идея об особенностях перехода к социализму индейских общинных крестьян хорошо сочетались с доктриной маоизма. Если Мариатеги дал анализ перуанской действительности, то Мао дал «стратегию ее изменения»¹⁸. Решения IV пленума КПП-СЛ указывали: «Мариатеги смог применить марксизм-ленинизм к конкретной ситуации страны и Латинской Америки. Мы идем по пути Мариатеги, который остается верным во всей своей полноте. За ним следуют все настоящие перуанские революционеры, а также пролетарские революционеры, борющиеся под знаменами марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна»¹⁹. Суть единства идей Мао и Мариатеги, по мнению Гусмана, состояла в том, что оба признавали некапиталистический характер общества, которое предстояло преобразовать в ходе революции. Революция должна была опираться на крестьянство в его борьбе за землю против помещичьей собственности. По его мнению, и Мариатеги, и Мао говорили о крестьянском восстании, о революции, в которой буржуазия будет союзником, что соответствовало маоистской теории «новой демократии»²⁰.

Важно отметить, что обращение к Мариатеги и его «индеанистскому» подходу к инкским традициям и протокоммунистическим инстинктам индейского общинного крестьянства не привело сендеристов к идее о национально-этническом особом пути движения к социализму. Ни в одном из воззваний, обращений или программе не было призывов или лозунгов, направленных к крестьянам, пойти по особому индейскому, «андскому пути». Сендеристы всегда говорили о классовой борьбе, интернационализме, антиимпериализме и руководящей роли партии²¹.

На всех этапах деятельности СЛ в ее рядах преобладали исключительно студенты, преподаватели и, что очень важно для понимания методов проникновения в массы, школьные учителя²². Из 120 профессоров Университета Уаманги 30 побывали в Китае. В этом университете «Красная книга» цитат Мао стала «священным писанием», ее изучение было включено в обязательный курс. Гусман в университете был непререкаемым авторитетом.

Гусман не видел нужды в долгой и поступательной работе в крестьянских организациях, а считал необходимым немедленно перейти к вооруженной борьбе, которая сама по себе

¹⁶ *Cabrera Morales F.* Los discursos del incendio Semifeudalidad, maoísmo y campesinado en Sendero Luminoso, 1980–1990 // *Revista de la Red de Intercatedras de Historia de América Latina Contemporánea*. Córdoba (Argentina), 2019. № 10. URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/RIHALC/article/view/24497> (дата обращения: 22.11.2021).

¹⁷ Цит. по: *Portocarrero G.* Profetas del odio: raíces culturales y líderes de Sendero Luminoso. Lima, 2012. P. 28.

¹⁸ *Galway M.* Global Maoism and the Politics of Localization in Peru and Tanzania // *Left History*. 2013. Vol. 17. № 2. P. 17.

¹⁹ *Guzmán A., Yparraquirre E.* Op. cit. P. 375–376.

²⁰ *Portocarrero G.* Op. cit. P. 30.

²¹ *Galway M.* Op. cit. P. 15.

²² *Degregori C.* Qué difícil es ser Dios. El Partido Comunista del Perú — Sendero Luminoso y el conflicto armado interno en el Perú: 1980–1999. Lima, 2010. P. 90.

мобилизует крестьян. Он не верил в возможность перерастания профсоюзной борьбы крестьян в вооруженное восстание. Сендеристы считали, что народная война должна привести их к власти, что не только позволит построить в стране новое общество, но и создать нового человека, примером которого являются члены партии. Новое государство будет базироваться на народном участии и эгалитарных ценностях.

На момент отделения в СЛ состоял 51 человек по всей стране, из них 12 – в Айякучо²³. Гусман исходил из концепции вертикально управляемой партии, кадровой организации пролетарской революции, максимально узко понимаемой как объединение профессиональных революционеров, бойцов: «наша партия – это партия масс, но не состоит из масс... Наша партия – это партия преданных членов, руководителей, это машина войны»²⁴, т.е., по мнению Гусмана, партия должна стать руководителем масс, а не массовой партией²⁵.

Все же крестьянство оставалось главным действующим лицом будущей революции, и Гусман вместо профсоюзной работы и долгой пропаганды предлагал иную схему агитации. В период войны такой агитацией было насилие, а в период подготовки войны он разработал вполне успешную вертикальную систему: партия опирается на университетских преподавателей, которые создают кружки из студентов, а те, в свою очередь, ведут работу с сельскими школьными учителями, последние через учеников и напрямую действуют в крестьянской среде.

Решение о начале непосредственной работы в массах было принято на III пленуме ЦК КПП-СЛ в 1973 г. Для этого предлагалось образовывать «создаваемые партией организации» (*organismos generados*) для активного участия в общественной борьбе, т.е. открытые для всех симпатизирующих молодежи, женские и прочие группы, задача которых состояла в усилении влияния партии в обществе²⁶. Организации строились по единым принципам:

- признавать идеи Мариатеги, что было синонимом принятия идеологии КПП-СЛ;
- быть массовой организацией, т.е. члены не должны состоять в партии, а быть лишь симпатизирующими, готовыми идти за партией;
- следовать принципу демократического централизма, что позволяло без пререканий исполнять указания партии.

Таковыми были: Классовое движение кварталов (*Movimiento Clasista Barrial*), Народное женское движение (*Movimiento Femenino Popular*), Классовое движение рабочих и трудящихся (*Movimiento de Obreros y Trabajadores Clasistas*), Движение бедных крестьян (*Movimiento de Campesinos Pobres*) и многие другие, созданные позже в ходе войны²⁷.

Гусман, помимо тезиса о «затяжной народной войне», особое место в теории уделял идее Мао о «бюрократическом капитализме» как характеристике китайского и других отсталых и зависимых обществ. Как всякий эпигон маоизма, Гусман тщательно подбирал в перуанской действительности факты и явления, которые могли быть сравнимы с примерами, приводимыми в работах Мао применительно к Китаю. Наличие совпадений позволяло сделать вывод о прямом соответствии перуанской действительности рецептам Мао. Десарролистские и реформистские планы военного правительства Веласко Альварадо представлялись Гусманом как самое достоверное подтверждение тезиса Мао о «бюрократическом капитализме». Компрадорскую буржуазию в концепции Мао Гусман связывал с термином меркантилистской буржуазии в работах Мариатеги. В концепции Мао о «бюрократическом капитализме» сендеристы нашли наиболее адекватный ключ для интерпретации перуанской действительности²⁸.

Партия декларировала приверженность марксизму-ленинизму-маоизму, а также «идеям тов. Гонсало», т.е. А. Гусмана, который максимально упрощал марксистские постулаты и механистически применял их к текущей политике, сводя весь марксизм к одному закону

²³ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. P. 26.

²⁴ Цит. по: *Gurmendi A.* Conflicto armado en el Perú. La época del terrorismo bajo el derecho internacional. Lima, 2019. P. 10.

²⁵ *Guzmán A., Yparraquiere E.* Op. cit. P. 376.

²⁶ *Canama A.* Указ. соч. С. 239–240.

²⁷ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. P. 28.

²⁸ *Guzmán A., Yparraquiere E.* Op. cit. P. 110–113.

диалектики — закону противоречий. Он утверждал универсальность тактики народной войны и в городе, и в деревне. Партия же виделась им как милитаризированная организация, как образец будущего милитаризированного общества, казарменного социализма. Как верный последователь Мао, Гусман говорил о «культурных революциях» в будущем, уже после прихода к власти²⁹.

Пришедшие к власти военные реформисты во главе с Веласко Альварадо провели аграрную реформу в 1969 г., что радикально изменило социальную ситуацию на селе. Тем не менее Гусман продолжал делать ставку на развертывание народной войны в деревне против рабства и полуфеодализма. В 1977 г. ЦК КПП-СЛ провел 2-е собрание *organismos generados*, где был проанализирован уровень подготовки к началу вооруженной борьбы и выдвинут лозунг «построения партии народной войны». Четверо партийцев, возглавлявших *organismos generados*, побывавших в сельских районах, заявили, что там нет ни обострения классовой борьбы, ни признаков феодализма. За это откровение их тут же исключили из партии, Гусман не собирался пересматривать свою стратегию революции. Для централизации контроля Гусман создал так называемый Постоянный комитет, который принимал все политические и военные решения. В его состав входило всего три человека: Гусман, его будущая вторая жена Елена Ипarrагирре (тов. Мириам) и тогдашняя его жена Аугуста Ла Торре (тов. Нора), позже она погибла при загадочных обстоятельствах³⁰. Именно этот комитет должен был принять решение, когда конкретно надо начинать «народную войну».

Основная деятельность партии концентрировалась в Айякучо, но и в других районах страны стали появляться сендеристские группы. В Лиме с приездом сюда Гусмана с 1973 г. начали действовать небольшие группы сендеристов, которые создавали кружки по изучению наследия Мариатеги, женские группы, там действовал Центр рабочего самообразования. В 1975 г. сендеристская парторганизация в Лиме была обвинена в обреризме³¹ и увлечении профсоюзной борьбой. Тогда эта столичная организация, или «большевистская фракция», как они себя называли, была исключена из партии за «левое ликвидаторство», так как не следовала маоистской доктрине окружения города деревней и народной войны. В Лиме не все сендеристы единодушно приняли лидерство Гусмана, слово которого не должно было оспариваться. Там образовалась новая диссидентская группа, которую назвали правооппортунистической, так как она предлагала принять участие в выборах 1980 г. В 1979 г. эту группу изгнали из партии.

Чтобы привлечь на свою сторону индейское крестьянство, сендеристы пытались использовать «инкские мифы и представления», интерпретируя их с точки зрения городской метисной интеллигенции: они говорили, что их лидер Гусман является очередным воплощением вернувшего Инки — Инкарри. В этой парадигме они называли Гусмана «Пукаинти» — «Красное солнце», что, по мысли сендеристов, удачно совмещало инкский культ солнца и маоистские пропагандистские картинки времен «культурной революции», представлявшие Мао воплощением солнца³².

В 1979 г. IX пленум ЦК партии принял план войны в шесть этапов, которому сендеристы действительно следовали с 1980 по 1999 г.: первый — начало вооруженной борьбы (май—декабрь 1980 г.); второй — развертывание партизанской войны (январь 1981 — январь 1983 г.); третий — завоевание опорной базы (май 1983 — сентябрь 1986 г.); четвертый — укрепление опорных баз (ноябрь 1986 — июль 1989 г.); пятый — подготовка опорной базы к захвату власти (август 1989 — август 1992 г.); шестой — переход к захвату власти (сентябрь 1992 (арест Гусмана) — ноябрь 1999 г.)³³.

²⁹ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. P. 25.

³⁰ Сендеристы говорили, что она покончила жизнь самоубийством, и отказались выдать тело полиции, тайно захоронив его. Пресса и полиция подозревала в ее убийстве Гусмана.

³¹ Обреризм (от испанского *obrero* — рабочий) — термин латиноамериканских марксистов, характеризующий политическое течение, делающее исключительную ставку на рабочий класс, пренебрегающий важность классовых союзов и учета интересов других угнетенных классов.

³² Galway M. Op. cit. P. 19.

³³ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. P. 32.

Народная война, по версии Гусмана, была не социалистической, а демократической революцией, преследующей цели борьбы с остатками феодализма, помещичьего класса и бюрократического капитализма, не покушаясь на права национальной буржуазии, — все в духе маоистского тезиса о «новой демократии». Как писал перуанский исследователь Г. Портокарреро, тезис о «полуфеодальных отношениях» в Перу не был уж настолько ошибочен, если рассматривать образ жизни и расово-классовые отношения в перуанской Сьерре, но абсолютно не соответствовал реальности в отношениях собственности и производства³⁴. Однако в сельском хозяйстве после реформы возникли другие противоречия, которыми сендеристы воспользовались.

С 1980 г. сендеристы перешли к вооруженной борьбе, развязав террор в районе Айякучо. Их не смущало, что это решение находилось в полном диссонансе с главным общественно-политическим трендом в стране, с переходом к демократии и конституционному процессу после долгих лет военного режима. В сентябре 1979 г. партия выпустила воззвание «Развиваем растущий народный протест», в котором заявляла, что в стране сложилась революционная ситуация, а во всем мире шло «наступление мировой революции»³⁵.

В апреле 1980 г. на собрании военных кадров партии Гусман был провозглашен «вождем революции». Сендеристы теперь на китайский манер называли его «председателем Гонсало», «маяком мировой революции». Тогда их численность составляла 520 человек, а в период максимального напряжения в 1990 г. — 2700³⁶. Цель народной войны — создание в Перу Народной республики новой демократии³⁷.

Первой акцией сендеристов было нападение 17 мая 1980 г. на избирательный участок в Чусчи (Айякучо), где в знак отрицания демократии и перуанского государства они сожгли бюллетени и разгромили участок. Нападавших быстро задержала полиция. В последующие недели и месяцы постоянно происходили акции саботажа и террора: взрывали линии электропередач, убивали полицейских. На этом этапе сендеристы стремились захватить оружие, так как пока они действовали как «вооруженные отряды без оружия». Они получали от горняков ворованный на рудниках динамит, захватывали оружие у полиции, обеспечивая материальную базу для длительной партизанской войны. Все это были подготовительные мероприятия к «народной войне». Гражданская война, начатая сендеристами, сотрясала Перу до 1992 г.: с 1980 по 1992 г. в этой войне погибло около 70 тыс. перуанцев³⁸.

Согласно идеям Гусмана, следовало провоцировать «помещичье-бюрократическое государство» применить силу против крестьян, побудить армию к жестким репрессиям и даже геноциду, что должно было вызвать ответную реакцию крестьян, которые пойдут за сендеристами, организуя сопротивление. Гусман делал ставку на эскалацию насилия с двух сторон и максимальное вовлечение масс в вооруженное противостояние. Насилие и хаос не могли автоматически привести сендеристов к власти, и Гусман это понимал. Он надеялся создать нетерпимое положение в стране, когда государство было бы неспособно контролировать порядок и удерживать власть и само бы развалилось, либо спровоцировало бы прямое вмешательство США, что превратило бы партизанскую и террористическую войну в национально-освободительную.

Движение стремилось к тому, чтобы его акции имели и символическое значение, базирующееся на китайских, маоистских риторических оборотах. Так, осуждая «восстановление капитализма» в Китае после смерти Мао, сендеристы в Рождество 1980 г. (26 декабря день рождения Мао) в Айякучо повесили собак на электрических фонарях. Акция была жестокой и бессмысленной: трупы животных сопровождали плакаты «Дэн Сяопин — грязная собака», а его мало кто знал в Перу в то время³⁹.

³⁴ Portocarrero G. Op. cit. P. 44.

³⁵ Comisión de verdad y reconciliación. T. II. P. 29.

³⁶ Ibid. P. 23.

³⁷ Guzmán Reinoso A. De puño y letra. Lima, 2009. P. 14.

³⁸ Comisión de verdad y reconciliación. T. I. P. 55.

³⁹ Degregori C. Op. cit. P. 89.

Главной трудностью, с которой столкнулись сендеристы в своей войне, было отсутствие, собственно, естественного классового врага — помещиков-латифундистов, их не стало в результате аграрной реформы, проведенной военными. Тогда месть сендеристов пала на зажиточных крестьян, торговцев и представителей власти, их убивали как классовых врагов. В районах, где сохранились крупные капиталистические сельские предприятия, объединявшие в производственном цикле индейские общины, именно в это время стало расти недовольство крестьян низкими доходами и коррупцией общинного начальства. Расправа сендеристов с ненавистным общинным и поместным начальством, раздача скота и других запасов крестьянам первоначально приветствовались селянами. В провинции Апуримак, ставшей в 1980-е годы опорной базой КПП-СЛ, аграрная реформа из-за саботажа местной бюрократии проводилась крайне медленно, земля все еще оставалась в руках помещиков. В эти годы здесь происходили массовые захваты поместий крестьянами, на что власти отвечали репрессиями. Этой ситуацией не могли не воспользоваться сендеристы, в ряды которых вступили лидеры крестьянских федераций региона. Первоначально казалось, что тактика сендеристов эффективна.

Сендеристы физически устраняли представителей местных властей, под угрозой террора выдавливали чиновников из сельской местности и создавали там свои «народные» органы, считая их основой государства «новой демократии». «Комитеты параллельной народной власти» на местах определяли врагов и уничтожали их, поддерживали систему связи и информирования партии. Они же получали финансовую поддержку от наркопроизводителей, с которыми у сендеристов существовал временный негласный военный союз⁴⁰.

Сендеристы расправлялись и с простыми жителями, руководствуясь так называемым «народным судом», убивая «врагов» и «плохих людей». Им удалось достичь определенных успехов: в некоторых районах вся полиция сбежала. Сендеристы угрожали и убивали местных чиновников, добиваясь доминирования в конкретном регионе, а после контратаки военных переходили к оборонительным действиям, уходя в подполье.

Декларируя маоистскую тактику окружения города деревней, сендеристы вовсе не были крестьянским движением, они рассматривали крестьянство как своего рода расходный материал, делая ставку на «профессиональных революционеров». Сендеристы мало вникали в потребности крестьян и их настроения, действуя в рамках своих теоретических построений. Все-таки это было не аграрное движение, а дело молодых горожан, интеллигентов и студентов, которые в своих военных планах не учитывали главного для любого опирающегося на крестьян движения — графика сезонных сельских работ: селяне выказывали крайнее недовольство, когда их передвижение между своими участками ограничивалось военными действиями. Желая лишить города продовольствия, сендеристы решили запретить крестьянам продавать продукты в города и даже сеять больше, чем было надо для собственного потребления (запретили рынки и ярмарки, поездки в города), что настроило против них всех селян. В результате крестьяне восстали против самих сендеристов. Но вооружены они были вилами и ножами, а им противостояли бойцы с автоматами и бомбами. Сендеристы уничтожали всех, кто противился их действиям.

Следует отметить особое участие женщин в движении. Сам Гусман был окружен женщинами, которые входили в узкий круг руководства. Многие отряды возглавляли молодые женщины. В целом, многочисленными были именно женские организации, причем среди членов было немало представительниц лучших семей Лимы, образованных и видевших мир. В прессе писали о невероятной жестокости женщин-сендеристок. Именно женщины приводили в исполнение приговоры «врагам народа» в деревнях и поместьях во время так называемых «народных судов». Они же безропотно шли на самопожертвование. Женщины играли важную роль в организации террора. Все это создавало мифы и домыслы о какой-то дьявольской силе Гусмана, державшего чуть ли не гипнозом в повиновении этих женщин⁴¹. Пресса с ужасом писала об убийцах-женщинах с неизменным сексуальным подтекстом. Вторая жена Гусмана,

⁴⁰ Comisión de verdad y reconciliación. T. I. P. 94.

⁴¹ Kirk R. Grabado en piedra. Las mujeres de Sendero Luminoso. Lima, 1993. P. 17.

товарищ Мириам, возглавила Женское народное движение, игравшее важную роль в организации военных акций и в пропаганде.

В мае 1981 г. партия потребовала от своих членов самопожертвования — так называемой «квоты кровью». Партийцы клялись отдать жизнь за революцию, которую можно было осуществить только через большую кровь. Сендеристы действительно с большим презрением относились к опасностям, грозящим их жизни, но с еще большим — к жизням других. Убийство в результате налета на деревню или террористического акта в городе оправдывалось ими как действие во имя блага народа и революции, а жертвы были классовыми врагами, недостойными сочувствия. Надо признать, что преданность клятве сендеристов удивляла многих, кто сталкивался с ними уже после их арестов.

В марте 1982 г. в Уаманге в результате захвата тюрьмы города Айякучо все арестованные были освобождены. Расположенные недалеко в казармах военные даже не решились покинуть их для противостояния партизанам, ожидая указаний из Лимы⁴². После этой акции о СЛ громко заговорили на национальном уровне, хотя прежде их действия воспринимались как локальные беспорядки.

С 1982 г. сендеристы стали проводить политику очистки сельской местности от «врагов народа». В глазах крестьян она была слишком жестокой, так как представители властей не были столь плохи, чтобы их расстреливать: «наказывай, но не убивай»⁴³. Когда правительство убедилось, что полиция проиграла битву с СЛ, была привлечена армия, которая не отличалась деликатностью. В январе 1983 г. в район Айякучо вошла армия. Произошла милитаризация всего конфликта. С обеих сторон были совершены чудовищные преступления. Сразу же изменилась статистика жертв конфликта: число убитых в 1982 г. выросло с 151 человека до 2282⁴⁴. По данным «Национальной комиссии правды и примирения», 37,26% жертв этой войны лежат на совести военных, полиции и антисендеристского ополчения⁴⁵. Армия занимала Айякучо и Апуримак 15 лет. Жестокие и массовые репрессии армии против журналистов, крестьян, студентов, заподозренных в сотрудничестве с сендеристами, вызвали протесты защитников прав человека. Война в Айякучо стала настоящей проблемой государства ввиду опасности ее распространения на территорию всей страны, вызывая и симпатии к повстанцам, и ужас перед ними.

С тех пор, как армия начала противостоять сендеристам, последние стали называть свои отряды «Народной партизанской армией». Хотя противоречий между крестьянами и сендеристами было немало, разгул насилия полиции и армии, без разбора убивавших всех подозрительных из-за панического страха перед повстанцами, заставили забыть о них. В результате крестьяне «пассивно» поддерживали СЛ.

Хотя сендеристам удалось создать немало «народных комитетов», в конце концов крестьяне перестали их поддерживать, считая их правление диктатурой, и встали на сторону властей, что и привело к краху движения в деревне. В некоторых местах крестьяне сами расправлялись с сендеристами, не дожидаясь военных, а сендеристы отвечали карательными мерами. Одной из самых страшных была резня, устроенная сендеристами в отместку за убийство их бойцов в Луканамарке. Они казнили около 80 человек, в том числе женщин и детей. Гусман, признавая «эксцессы» этой трагедии, говорил: «Если мы ставим перед массами некий комплекс ограничений, требований и запретов, мы не хотим, чтобы вода вышла из берегов, но нам нужно, чтобы вода вышла из берегов и, сделав свое дело, вновь вернулась в свои берега... Я настаиваю, главное — мы хотим, чтобы все поняли, что мы твердый орешек, мы готовы на все, на все»⁴⁶.

Район действий армии и сендеристов превратился в зону массовых убийств. Если военные приходили в деревню, где, по их сведениям, были представители СЛ или индейские

⁴² *Rénique J.L.* La voluntad encarcelada: las “luminosas trincheras de combate” de Sendero Luminoso del Perú. Lima, 2003. P. 13.

⁴³ *Degregori C.* Op. cit. P. 191.

⁴⁴ *Rénique J.L.* Op. cit. P. 60.

⁴⁵ Comisión de verdad y reconciliación. T. I. P. 56.

⁴⁶ Цит. по: *Degregori C.* Op. cit. P. 92.

начальники, назначенные или поддерживавшие хорошие отношения с сендеристами, эта деревня полностью уничтожалась, не шадилась ни старики, ни дети. Сендеристы поступали точно так же с теми деревнями, которые сотрудничали с военными. Ужас террора стал всеобщим. Это было именно то, к чему стремился Гусман. Он предупреждал своих последователей, что для победы революции потребуется миллион убитых.

Даже во время самого мрачного взаимного террора в сендеристском бастионе Уаманге население симпатизировало повстанцам, называя перуанскую армию оккупационной, и не верило государственной пропаганде о зверствах сендеристов. В ряде районов СЛ, вытеснив официальные власти убийствами и запугиванием, брали на себя роль полиции, защищая население от воров, скотокрадов, преступников. Следили за нравственностью горожан, пресекая аморальное, с их точки зрения, поведение, например карали неверных мужей и легкомысленных женщин, проводя открытые народные суды на сходах и кровавые расправы. Впоследствии эта практика была перенесена на другие районы, на север от Лимы и в Анкаш, когда во второй половине 1980-х годов началось наступление на города. Несмотря на блокаду армией Айякучо, сендеристам удалось расширить зону своего влияния на район выращивания коки Уальягу и район тропиков. Вот тогда открыто власти стали обвинять сендеристов в совместных действиях с боевыми отрядами наркоторговцев против военных⁴⁷.

После успешного освобождения заключенных из тюрьмы Уаманги в 1982 г. всех арестованных сендеристов и подозреваемых в сочувствии к ним стали отвозить в лимские тюрьмы, наиболее суровой была Фронтон на одноименном острове у побережья Лимы. Перуанские тюрьмы отличались предельно антигуманным отношением к людям, что вызывало протесты как национальной, так и международной общественности. При этом узники там свободно общались между собой и имели массу возможностей поддерживать связь с товарищами на свободе. В тюрьмах сендеристы проводили агитационную и идеологическую работу с заключенными.

Многие молодые люди, посылаемые на задание, тут же попадали в тюрьму. В большинстве своем это было «пушечное мясо» партии, они не были идеологически убежденными сендеристами. Однако в тюрьме становились таковыми: сендеристы большое внимание уделяли «своим» заключенным, их окружали вниманием, обеспечивали внутреннюю безопасность, но главное продолжали идеологическую обработку, помогая преодолеть все сомнения и разочарования молодых людей. Заключенные сендеристы требовали признать их политическими узниками, рассматривая тюрьму как особую форму борьбы. Тюрьмы, в их терминологии, были «светлыми окопами борьбы». СЛ, будучи очень сплоченной группой, смогла создать там глубоко политизированную атмосферу, привлекая к себе других узников, осужденных лишь по подозрению в принадлежности к сендеристам. Они оборудовали комнаты для занятий теорией, во внутреннем дворе, украшенном портретом Мао, проводили мероприятия и даже парады к 1 мая, образованию КНР и сендеристским памятным датам⁴⁸. В тюрьмах же добывали оружие. Постепенно тюрьмы превратились в бастионы сендеризма.

В июне 1986 г. в Лиме по инициативе президента Алана Гарсии, претендовавшего на вступление его партии АПРА⁴⁹ в Социнтерн, проходил конгресс Социалистического интернационала. Сендеристы сочли это удачным поводом для восстания в тюрьмах. Гусман в своем доведенном до мании «антиревизионизме» решил дать бой именно в эти дни всемирного собрания реформистов и оппортунистов. Восстание в тюрьмах закончилось кровавой бойней, власти использовали тяжелое вооружение армии и флота, ракеты и самолеты: только в тюрьме Фронтон было убито 250 человек, а здание тюрьмы было почти полностью разрушено бомбардировками. Флот действовал, как откровенно заявило командование, из чувства мести за недавно убитого сендеристами контр-адмирала Понсе Канесса. Военные вышли из-под контроля правительства и действовали с невероятной жестокостью. После тюремного восстания

⁴⁷ Comisión de verdad y reconciliación. T. I. P. 67.

⁴⁸ Cáceres C. Discursos sobre reconciliación: el caso de los presos desvinculados de Sendero Luminoso у MRTA. Lima, 2014. P. 28–29.

⁴⁹ Американской народно-революционный альянс — старейшая национал-реформистская партия Перу, созданная В.Р. Аяя де ла Торре в 1924 г.

насилие распространилось на всю страну. Партии Гусмана был нанесен жестокий удар, но все это укладывалось в декларируемую им теорию самопожертвования во имя революции. Гусман призвал уничтожать всех апристов, членов и лидеров правящей партии, которую сендеристы называли фашистской: за каждого убитого — уничтожим десять апристов. Этот призыв развязал очередной виток террора: убийства в городах правительственных чиновников, военных, полиции с целью парализовать волю государства, ослабив его перед решающей битвой⁵⁰.

В 1988 г. КПП-СЛ созвала свой Первый съезд, проведенный в трех заседаниях, проходивших с февраля 1988 г. по июнь 1989 г. На этом съезде формально были объявлены идеологической основой партии не только марксизм-ленинизм-маоизм, но и «идеи товарища Гонсало». Самого Гусмана теперь называли «четвертым мечом марксизма»⁵¹. После смерти Мао Гусман стал лидером и мировой революцией, что позволило ему считать себя абсолютным авторитетом в партии и пресекать любую критику в свой адрес, в частности старых и заслуженных сендеристов, как, например, товарища Фелисиано (Оскар Рамирес Дуранд), возглавившего партию после ареста Гусмана в 1992 г. Он подвергал сомнению правильность вхождения в Постоянный комитет, помимо Гусмана, его двух жен, так как это противоречило предупреждениям Мао об опасности клановых отношений в партии⁵².

Решения съезда, провозгласившего «идеи Гонсало» ведущей идеологией, обострили взаимоотношения с маоистскими партиями за рубежом. Развязанная КПП-СЛ гражданская война имела международный резонанс не только в официальных кругах, осуждавших терроризм, но и в общественных движениях, в том числе левых, поставив перед ними непростой вопрос осуждения/поддержки в условиях невиданного насилия с обеих сторон. В 1980-е годы КПП-СЛ вошла в международный союз микропартий и повстанческих движений Революционное интернационалистское движение, в котором самой значимой была Рабочая партия Курдистана А. Оджалана. Этот «Интернационал» проводил акции поддержки и солидарности с сендеристами по всему миру.

Главное же решение съезда состояло в переходе от «партизанской войны» к «войне народных движений», т.е. к борьбе подключали массы. Ареной этой борьбы становились уже города. Во исполнение решений съезда в городах создавалось «Революционное движение защиты народа», действующее от имени партии, цель движения — переориентировать массы с поддержки электоральных иллюзий легальных левых сил, т.е. ненавистных ревизионистов, на народную войну. Гусман заявил о достижении стратегического равновесия, равенства сил с правительством и необходимости подготовки контрнаступления на государство⁵³. Вдохновленный массовыми самопожертвованиями членов партии, Гусман был убежден, что близок решительный момент для захвата власти в городах, прежде всего в Лиме, что отвечало маоистской идее окружения города деревней, хотя в реальности в деревне СЛ уже потерпела поражение. Гусман считал, что инициатива по-прежнему принадлежит его партии, хотя движение было почти полностью разгромлено, он уже неадекватно оценивал действительность⁵⁴. К 1990 г. изменилась тактика военных, которые стали создавать отряды самообороны, вооружая крестьян, уничтоживших сендеристов на селе.

Однако наметился резкий рост влияния партии в Лиме, приток в ее ряды студенчества и городских низов. Наибольшего успеха сендеристам удалось добиться в маргинальных пригородах столицы. Там действовали группы работы с молодежью: марши молодежи в маоистской стилистике, выпускались листовки, создавались кружки обучения. Этот чудесный рост влияния партии в Лиме убеждал Гусмана в правильности выбранной тактики. В феврале

⁵⁰ Comisión de verdad y reconciliación. Т. I. P. 65.

⁵¹ Ibid. Т. II. P. 62.

⁵² Ibid. P. 55.

⁵³ Ibid. P. 65–67. Эта терминология чрезвычайно догматически мыслящего Гусмана полностью повторяла последовательные фазы народной войны у Мао: стратегическая оборона, стратегическое равновесие, стратегическое наступление.

⁵⁴ Portocarrero G. Op. cit. P. 131.

1990 г., по утверждению самой КПП-СЛ, в их рядах насчитывалось 5,5 тыс. человек⁵⁵. Как признавал Гусман, большинство новых членов партии были выходцами из мелкобуржуазных слоев, в основном из Лимы⁵⁶.

Сендеристы в городах применили тактику «вооруженных стачек». Первая подобная акция состоялась 2 февраля 1989 г. Сендеристы беспорядочно в разных местах взрывали бомбы, без разбора стреляли по пешеходам, по такси и общественному транспорту, наводя ужас на людей, которые предпочитали в эти дни не выходить на улицы, что делало эти стачки «успешными». Создавалось впечатление, что сендеристы повсюду и их миллионы. Всего в период с июля 1986 по март 1989 г. в Лиме было организовано 216 взрывов.

К атмосфере хаоса при молчаливом согласии властей правыми партиями и гражданскими ассоциациями стали создаваться «эскадроны смерти», сеявшие смерть в районах, подозреваемых в симпатии сендеристам.

Во время «вооруженной стачки» в Лиме 22–23 июля 1992 г. Гусман посчитал, что находится в шаге от победы. В центре города, прежде всего в зажиточном районе Мирафлорес, были взорваны 22 машины. Сендеристы даже заявили, что не готовы ни к каким переговорам, а согласны лишь на немедленную передачу им власти. Их представитель в Европе Л. Арсе Борха заявил немецким журналистам, что при нынешней ситуации можно вести переговоры только о полной капитуляции властей⁵⁷.

В результате действий сендеристов страну, прежде всего столицу, обуяла паника: к экономическому кризису (в это время инфляция доходила до 60% в месяц) добавился страх перед террором во время «вооруженных стачек» и перед «бейругизацией» Лимы, где сконцентрировалось до 100 тыс. беженцев из районов военных действий⁵⁸.

В 1992 г. сендеристы убили активистку «Единой левой», известную феминистку Марию Елену Мойяно. Это убийство продемонстрировало, что сендеристы одинаково преследуют и правых, и левых политиков, осуждающих их. Левые оказались между двух огней: террором сендеристов и террором правых «эскадронов смерти», при отсутствии гарантий безопасности со стороны властей. Ненависть к сендеристам разделяли не только правые, провластные, силы, но и левая оппозиция, а теперь и абсолютное большинство горожан.

Сендеристы приступили к шестому этапу плана ведения войны. Гусман был по-прежнему убежден в твердости сендеристских кадров. Он даже допускал свое собственное уничтожение, но был уверен, что революция на этом не закончится⁵⁹. Но реализовать эти планы не удалось, было проведено только несколько террористических операций. 12 сентября 1992 г. вся верхушка партии была арестована без единого выстрела на подпольном заседании Постоянного комитета партии. При задержании никто не сопротивлялся. Это был конец СЛ⁶⁰. Гусман был приговорен к пожизненному заключению. Страх перед ним был столь велик, что судьи вели процесс в балаклавах. После опыта сендеристского движения любая левая политическая альтернатива в Перу стала невозможной⁶¹.

* * *

Кровавая эпопея «Сендеро Луминосо» была выходящим за рамки привычных политических и даже психологических схем явлением. Остается необъяснимым, как Гусману с его примитивным дискурсом удалось завоевать преданность сотен образованных молодых людей, студентов, учителей и профессоров университета. В этом тайна успеха движения, получившего

⁵⁵ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. P. 69.

⁵⁶ Guzmán A., Yparaguire E. Op. cit. P. 389.

⁵⁷ Rénique J.L. Op. cit. P. 101.

⁵⁸ Degregori C. Op. cit. P. 94–95.

⁵⁹ Rénique J.L. Op. cit. P. 101.

⁶⁰ Движение было разбито, но одна небольшая группа под руководством Оскара Рамиреса Дуранда решила продолжить борьбу, назвав свою фракцию «Продолжатели». В 1999 г. Рамирес был арестован и приговорен к пожизненному заключению. См.: Portocarrero G. Op. cit. P. 125.

⁶¹ Canama A. Указ. соч. С. 245.

в их лице самоотверженных и готовых к самопожертвованию людей, полностью поглощенных идеей великого равенства и нового общества. Сендеристы — это не вооруженные безграмотные подростки Пол Пота, а городская интеллигенция, студенческая молодежь, увидевшая в маоистской проповеди реальный выход из социально-политического тупика Перу конца XX в., выход из замкнутого круга отсталости и зависимости, расовых предрассудков и жесткой стратификации общества и своей личной утраты привилегированного социального статуса. Один из видных деятелей перуанских радикальных левых, основатель перуанской чегеваристской Армии национального освобождения Эктор Бехар говорил, что сендеризм — это прежде всего выражение отчаяния и социальной мести молодежи, представлявшей разоряющуюся местную элиту, нашедшую для себя экзистенциальный выход в маоистской фразеологии⁶². Связующим звеном во всей политической конструкции было насилие, отказ от личности, безжалостность к себе и окружающим, своего рода нечаевщина, что оказалось крайне эффективным в поддержании боевого духа и дисциплины сендеристов. СЛ уничтожила в Перу саму возможность существования марксистской левой в ближайшем будущем, она показала, до каких пределов, до какой пропасти может пойти тоталитарная тенденция левого политического проекта.

Поражение СЛ имело противоречивые последствия для перуанского общества: своей бессмысленной жестокостью они отвратили от левой идеи как таковой абсолютное большинство перуанцев, их фанатичный террор и всепоглощающая идеологизация сделали свое дело, повернув средний класс в сторону политического релятивизма и неверия ни в какие идеи и концепции. Провал «красной утопии» СЛ создал психологические условия для принятия обществом самых радикальных неолиберальных экономических рецептов, но в политике привел к нетерпимости к насилию любого рода. Перуанское общество резко «повзрослело», смогло оценить все свои проблемы и сделать во многом этический выбор, отвергнув терпимость к коррупции и политиканству. В конце концов Гусман оказался за решеткой, но там же оказался и его победитель, президент Фухимори, и по иронии судьбы в той самой тюрьме отбывает срок Владимир Монтесинос, глава силовиков и организатор победы над «Сендеро Луминосо». Абимаэль Гусман умер в тюрьме 11 сентября 2021 г.

Библиография / References

Ивановский З.В. Ультралевые партии и организации Латинской Америки: изменения в идеологии и политике // Латинская Америка 80-х годов. Партийно-политическая структура стран региона / отв. ред. З.В. Ивановский. М., 1989. С. 51–54.

Ивановский З.В. Ультралевый терроризм в Перу // Латинская Америка: политические партии и социальные движения / отв. ред. Ю.И. Визгунова, Б.М. Мерин, З.В. Ивановский, А.Ф. Шульговский. Т. 2. М., 1994. С. 52–68.

Canama A. Марксизм в Перу, 1930–1990 // Латиноамериканский исторический альманах. 2020. № 26. С. 218–248.

Ivanovskij Z.V. Ul'traleveye partii i organizacii Latinskoj Ameriki: izmeneniya v ideologii i politike [Ultra-left parties and organizations of Latin America: changes in ideology and politics] // Latinskaya Amerika 80-h godov. Partijno-politicheskaya struktura stran regiona [Latin America of the 80s. Party-political structure of the countries of the region] / отв. ред. Z.V. Ivanovskij. Moskva, 1989. S. 51–54. (In Russ.)

Ivanovskij Z.V. Ul'tralevyj terrorizm v Peru [Ultra-left terrorism in Peru] // Latinskaya Amerika: politicheskie partii i social'nye dvizheniya [Latin America: Political parties and social movements] / отв. ред. Yu.I. Vizgunova, B.M. Merin, Z.V. Ivanovskij, A.F. Shul'govskij. T. 2. Moskva, 1994. S. 52–68. (In Russ.)

Zapata A. Marksizm v Peru, 1930–1990 [Marxism in Peru, 1930–1990] // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah [Latin American Historical almanah]. 2020. № 26. S. 218–248. (In Russ.)

Asencios D. La ciudad acorralada. Jóvenes de Sendero Luminoso en la Lima de los años 80 y 90. Lima, 2016.

Cabrera Morales F. Los discursos del incendio Semifeudalidad, maoísmo y campesinado en Sendero Luminoso, 1980–1990 // Revista de la Red de Intercatedras de Historia de América Latina Contemporánea. Córdoba (Argentina), 2019. № 10. URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/RIHALC/article/view/24497> (access date: 22.11.2021).

⁶² Entrevista Héctor Béjar // Lucha armada en la Argentina. 2007. № 9. P. 73.

- Cáceres C.* Discursos sobre reconciliación: el caso de los presos desvinculados de Sendero Luminoso y MRTA. Lima, 2014.
- Chávez D.* Juventud y terrorismo. Características sociales de los condenados por terrorismo y otros delitos. Lima, 1989.
- Comisión de verdad y reconciliación. Informe final. T. I–II. Lima, 2003.
- Degregori C.* Qué difícil es ser Dios. El Partido Comunista del Perú – Sendero Luminoso y el conflicto armado interno en el Perú: 1980–1999. Lima, 2010.
- Dorais G.* La crítica maoísta peruana frente a la reforma agraria de Velasco (1969–1980) // IEP documento de Trabajo, 167. Documento de Política, 8. Lima, 2012.
- Entrevista Héctor Béjar // Lucha armada en la Argentina. 2007. № 9. P. 73.
- Galway M.* Global Maoism and the Politics of Localization in Peru and Tanzania // Left History. 2013. Vol. 17. № 2. P. 15–19.
- Gurmendi A.* Conflicto armado en el Perú. La época del terrorismo bajo el derecho internacional. Lima, 2019.
- Guzmán A., Yparraquirre E.* Memorias desde Némesis. [S.l.], 2014.
- Guzmán Reinoso A.* De puño y letra. Lima, 2009.
- Jiménez B.* Inicio, desarrollo y ocaso del terrorismo en el Perú: el ABC de Sendero Luminoso y el MRTA ampliado y comentado. T. 1. Lima, 2000.
- Kirk R.* Grabado en piedra. Las mujeres de Sendero Luminoso. Lima, 1993.
- Portocarrero G.* Profetas del odio: raíces culturales y líderes de Sendero Luminoso. Lima, 2012.
- Rénique J.L.* La voluntad encarcelada: las “luminosas trincheras de combate” de Sendero Luminoso del Perú. Lima, 2003.
- Rothwell M.* Influencia de la Revolución China en América Latina: México, Perú y Bolivia // Fuentes del Congreso. 2009. Vol. 4. № 9. P. 7.
- Sotomayor Pérez J.* ¿Leninismo o maoísmo? Lima, 2009.